

A winter forest scene with a large black hole in the sky. The sky is dark blue with a large black hole in the center, surrounded by a glowing purple ring. The forest is covered in snow and has many tall, thin trees. The overall atmosphere is mysterious and surreal.

В.Козаренко

||
ЧЕРНАЯ ДЫРА

Владимир Козаренко

Черная дыра

<https://litres.ru/73987694>

SelfPub; 2026

Аннотация

Научно-фантастическая повесть. В закрытом сибирском наукограде «Объект-44» готовится испытание супероружия «Горгона». Безумный академик Лосев уверен, что строит лазерный излучатель колоссальной мощности, способный выжигать целые континенты.

Пока американские стратегические бомбардировщики В-52 заходят на цель в полярной ночи, а капитан ФСБ Елена Корсакова пытается остановить безумного академика в Сибири, секундомер Судного дня начинает свой финальный отсчет.

Содержание

Глава 1. Проект «Горгона»	4
Глава 2. Кухонная физика	20
Глава 3. Новинский бульвар	36
Глава 4. Протокол эвакуации	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Черная дыра

Глава 1. Проект «Горгона»

Сибирский наст звенел под колесами трехосного армейского КАМАЗа, пробивавшегося сквозь утренний буран. Белая мгла намертво стерла границу между небом и землей, превратив отроги Салаирского кряжа на юге Новосибирской области в однородное, замерзшее ничто. Здесь, в Искитимском районе, под прикрытием грохочущего гиганта — Чернореченского известнякового карьера — военные строители нашли то, чего не было в остальной болотистой Сибири: монолитные пласты прочнейшего гранита и сланца. На военных картах Генерального штаба этот огромный скальный квадрат площадью в триста квадратных километров числился как «Зона утилизации спецотходов №4». По документам сюда десятилетиями свозили тонны отработанной породы и промышленного шлака, но ни одного гражданского могильника здесь никогда не было. Тяжелые технологические дороги, разбитые многотонными БЕЛАЗами, вели к ложной шахте комбината. Там, на глубине сотен метров под слоями векового камня, раскинулся «Объект-44».

Над поверхностью земли объект выдавал себя лишь двойным контуром шестиметрового сетчатого забора, опутанного спиралью Бруно, по которому пропускали ток высокого

напряжения, да редкими вышками часовых, скрытыми в пелене летящего снега. Основная жизнь базы была замурована глубоко под гранитным щитом Сибирской платформы.

Генерал-полковник Седов сидел на заднем сиденье штабного внедорожника, мерно покачивающегося на бетонных стыках закрытой технологической дороги. Из дефлекторов печки дул сухой, горячий воздух, пахнувший дешевым антифризом и старой кожей обшивки. Седов не любил такие поездки. В свои пятьдесят восемь лет, пройдя две чеченские кампании и сирийский экспресс, он привык доверять понятным, осязаемым вещам: танковой броне, калибру 152 миллиметра и четкой спутниковой связи. Но последние полгода министерство обороны словно сошло с ума, перенаправляя триллионы рублей из бюджета модернизации флота на этот глухой сибирский полигон. Куратором проекта назначили его лично, подставив под прямой удар собственной карьеры.

Внедорожник затормозил перед массивными стальными воротами, вваренными прямо в склон скалистой сопки. Из караульного помещения, кутаясь в тяжелый тулуп, вышел офицер спецназа Внутренних войск. Он не стал отдавать честь — правила маскировки на «Объекте-44» были параноидальными. Офицер молча приложил портативный сканер к стеклу автомобиля, считывая биометрические данные сетчатки глаз генерала, проверил цифровой пропуск на защищенном планшете и лишь после этого сделал знак рукой в

сторону пульта. Намертво замерзший металл ворот нехотя пополз в стороны, открывая зев бетонного тоннеля, уходящего под углом вниз.

Машина медленно покатилаь во внутреннее пространство базы, погружаясь в ровный, мертвенный свет люминесцентных ламп. Чем глубже они спускались, тем сильнее менялась атмосфера. Исчез свист сибирского ветра, сменившись тяжелым, утробным гулом, который вибрировал прямо в подошвах сапог. Это работали промышленные вентиляционные установки и дизель-генераторы колоссальной мощности. На подземных ярусах пахло озоном, свежим цементом и раскаленным трансформаторным маслом.

Седов вышел из машины на третьем подземном уровне, где его уже ждал лифт специальной конструкции — массивная стальная клеть, способная опускать тяжелую технику. Вместе с ним в лифт зашли двое молчаливых адъютантов с тяжелыми кожаными портфелями, в которых были заперты финальные директивы из Москвы. Лифт пошел вниз, глухо пощелкивая тросами на отметках минус сорок, минус шестьдесят, минус девяносто метров.

— Академик Лосев на месте? — не оборачиваясь, спросил Седов.

— Так точно, товарищ генерал-полковник, — быстро доложил старший адъютант. — Из лаборатории не выходит третьи сутки. Спать отказывается, еду ему приносят прямо к пульта. Инженеры на пределе, двое расчетчиков вчера упа-

ли в обморок от истощения. Но Лосев заявил, что если мы перенесем предпусковой тест хотя бы на час, он лично доложит Верховному о «саботаже со стороны военных».

Седов лишь хмуро скрежетнул зубами. Научные гении всегда казались ему опасными психопатами, но Лосев обладал особым статусом. Он умел убеждать руководство страны звучными фразами об «абсолютном геополитическом доминировании» и «оружии нового физического принципа».

Лифт с мягким гидравлическим вздохом остановился на самом нижнем ярусе — минус сто двадцать метров под скальной породой. Стальная решетка поползла вверх, и генерал шагнул в коридор, ведущий к смотровому боксу.

Здесь царила стерильная чистота, нарушаемая только бесконечными рядами серверных стоек, за которыми в полумраке мерцали тысячи синих и зеленых светодиодов. Это были вычислительные мощности проекта «Горгона», ежесекундно просчитывавшие миллионы параметров, назначение которых Седов понимал лишь в общих чертах. Для него вся эта громоздкая математика сводилась к одному слову: «Энергия».

Он подошел к трехслойному кварцевому стеклу смотровой площадки, толщина которого превышала ладонь взрослого мужчины. За стеклом открывался колоссальный испытательный зал, напоминающий нечто среднее между стартовой шахтой баллистической ракеты и цехом авиастроительного завода. Зал был настолько огромен, что его верхняя

часть терялась в густой тени под потолком, где мерно вращались гигантские лопасти вытяжных систем.

А в самом центре зала, на массивном гидравлическом постаменте из вороненой стали, покоилась «Горгона».

Генерал Седов невольно задержал дыхание. Каждый раз, когда он видел этот объект, его охватывало странное, инстинктивное чувство тревоги. Это была десятиметровая идеально круглая тарелка, сваренная из матового, почти черного титанового сплава особой очистки. На её зеркальной поверхности не было ни единого шва, ни единой заклепки — только абсолютная, пугающая геометрия правильного круга. По внешнему периметру диска, словно зубы гигантского доисторического левиафана, под строгими углами были установлены десять цилиндрических раструбов. Каждый цилиндр был опутан сложнейшей сетью медных трубок жидкостного охлаждения и жгутами силовых кабелей, уходящих в бетонный пол. Это были малогабаритные рентгеновские лазеры с ядерной накачкой — сердце конструкции.

— Ну что, генерал? Впечатляет? — раздался за его спиной резкий, слегка дребезжащий голос.

Седов обернулся. К нему быстрыми, рваными шагами подходил академик Борис Лосев. Его внешний вид полностью соответствовал докладу адъютанта: белый лабораторный халат был расстегнут, полы измазаны какой-то технической смазкой, из-под воротника мятой рубашки виднелась худая шея, а взъерошенные седые волосы стояли дыбом.

Но глаза — огромные, лихорадочно блестящие за толстыми стеклами очков — горели фанатичным, пугающим огнем человека, который укротил саму природу.

— Вы заставили нас ждать, Борис Владимирович, — сухо заметил Седов, пожимая его сухую, горячую руку. — Москва требует результатов. Бюджетный комитет уже задает вопросы, на которые у меня нет ответов. Покажите мне, ради чего мы выкопали эту дыру в Сибири.

— Математика не терпит суеты, генерал! — Лосев пренебрежительно махнул рукой, подходя к главному пульту управления. — Ваши танки, ваши ракеты РС-24 «Ярс» и РС-28 «Сармат» с десятком боеголовок — это детские игрушки, Седов. Металлолом для локальных войн. Мы здесь создаем не просто бомбу. Мы создаем инструмент, который изменит саму расстановку сил на планете навсегда. Официальная наука годами врала нам, запершись в рамках квантовых абстракций. Они искали энергию в распаде тяжелых ядер, тратя миллиарды на громоздкие токамаки и коллайдеры. Какая глупость! Энергия не внутри атомов, Седов. Энергия — вокруг нас. В самой пустоте. И сегодня я покажу вам, как её взять.

Академик Лосев подошел к длинной панели управления, облицованной матовым пластиком, и с силой опустил ладони на сенсорные датчики активации. Экраны над его головой мгновенно ожили, выбросив каскады диагностических графиков, диаграмм давления и трехмерных моделей лазерных

контуров.

— Вы говорите «энергия пустоты», Борис Владимирович, — генерал Седов медленно подошел ближе, заложив руки за спину. — Но в Главном артиллерийском управлении сидят люди с академическими степенями. И они докладывают мне, что ваш проект — это всего лишь попытка создать направленный электромагнитный импульс колоссальной мощности. Оружие выжигания электроники. Почему в ваших докладах для Совбеза фигурируют термины «чистый взрыв» и «абсолютное разрушение»?

Лосев обернулся, его лицо исказила короткая, почти жалостливая гримаса. Так смотрят профессора на нерадивых первокурсников.

— Ваше артиллерийское управление застряло в догмах Эйнштейна и квантового поля, Седов! Для них вакуум — это пустое место, координатная сетка, в которой ничего нет, кроме виртуальных частиц. Какое концептуальное убожество! Они думают, что моя «Горгона» — это просто большая микроволновка. Но посмотрите туда.

Академик ткнул сухим пальцем в сторону трехмерной голограммы, горевшей на центральном дисплее. На ней десять цилиндрических раструбов тарелки были соединены тонкими нитями векторов, сходящихся в одной центральной точке.

— Внутри каждого из этих десяти раструбов установлены уникальные рентгеновские лазеры, — Лосев заговорил ти-

ше, но в его голосе появилось пугающее, завораживающее гипнотическое натяжение. — В качестве источника накачки мы используем малогабаритные ядерные заряды сверхмалой мощности. Но мы не выпускаем взрыв наружу. Вся энергия ядерного распада в миллионную долю секунды трансформируется в узкие, концентрированные лучи рентгеновского спектра. Геометрия Лосева — так я назвал этот метод — сводит все десять лучей строго в одну точку. Но не лоб в лоб! Лучи бьют со смещением по касательной под углом в тридцать две угловые минуты. Они закручивают световое давление в идеальный, упругий конический вихрь.

Седов нахмурился, пытаясь уследить за мыслью ученого.

— И что дает эта закрутка?

— Плотность, генерал! Колоссальную, немыслимую плотность энергии в точке фокуса! — Лосев ударил кулаком по ладони. — Мы создаем электродинамический ротор. Световое давление такой силы буквально раздвигает квантовые флуктуации, вышвыривая их из центра вихря наружу. Мы создаем зону, где пространство на мгновение освобождается от энергии вакуума. А когда поле выключается, окружающий вакуум с дикой силой схлопывается обратно, стремясь заполнить пустоту. Происходит физический гидроудар самого пространства. Это чистая кинетика, Седов. Мгновенное, абсолютное разрушение кристаллической решетки любого вещества в радиусе ста километров. Никакой радиации, никаких ударных волн в атмосфере. Просто материя в зоне уда-

ра перестает быть стабильной и рассыпается в пыль за наносекунды. Наступающие войска могут занимать территорию противника уже через пятнадцать минут после удара. Никаких зараженных зон. Идеальное оружие победы.

Генерал Седов молча переваривал услышанное. На бумаге это выглядело как абсолютный триумф, способный обнулить любые американские авианосные группировки и системы ПРО. Но инстинкт старого солдата продолжал тихо, настойчиво нашептывать, что в этой стерильной подземной лаборатории что-то идет не так.

Седов перевел взгляд на третий ряд пультов управления, где сидели инженеры-расчетчики. Среди них выделялся молодой парень в синем рабочем халате — Игорь. Его лицо было землисто-серым от многодневной бессонницы, а пальцы, лежащие на клавиатуре терминала ввода, мелко и ритмично дрожали. Игорь безостановочно всматривался в правый нижний угол своего монитора, где суперкомпьютер базы просчитывал остаточные векторы упругости для предстоящего теста.

Каждые тридцать секунд на экране Игоря вспыхивала короткая строка системного предупреждения: *«Внимание. Обнаружена аномалия углового момента среды. Погрешность деформации — 0,0004%»*.

Игорь судорожно сглотнул сухую слюну, вытер пот со лба рукавом халата и потянулся к мышке, чтобы вызвать подробный лог ошибки. Но в этот момент над его ухом раздался

резкий, сухой голос Лосева, подошедшего сзади вместе с генералом:— Инженер Королев, какова готовность накопителей?

Игорь вздрогнул, мгновенно свернув окно предупреждения. В институте Лосева сомневаться в расчетах шефа или указывать на «незначительные системные шумы» означало немедленное увольнение с волчьим билетом и потерей допуска к гостайне.

— Накопители первого и второго контура заряжены на сто процентов, Борис Владимирович, — голос Игоря слегка сипел. — Система жидкостного охлаждения лазерных головок вышла на рабочий температурный режим — минус сорок два градуса. Готовы к проведению предварительного теста накачки.

Лосев победоносно взглянул на Седова.

— Ну что, генерал? Объявляйте готовность. Проверим мою «Горгону» на одном проценте от номинальной мощности. Просто крутанем систему, чтобы проверить синхронизацию лазерных затворов. Вы увидите первый световой фокус.

Седов медленно кивнул, подошел к микрофону селектора связи с постами охраны и нажал тяжелую черную кнопку.

— Внимание всем постам «Объекта-44». Говорит куратор проекта генерал-полковник Седов. Объявляю десятиминутную готовность к проведению предварительного пуска. Закрыть гермодвери нижних уровней. Охране периметра за-

нять укрытия. Начать заполнение предпусковых протоколов.

В ту же секунду под сводами огромного подземного комплекса завывли сирены аварийного оповещения. Их прерывистый, тревожный рев заставил Игоря сжаться в кресле. На потолке испытательного зала замигали багровые стробоскопы, предупреждая о начале накачки. Гул турбогенераторов, до этого бывший низким и терпимым, начал стремительно набирать частоту, превращаясь в тонкий, сверлящий уши ультразвук. Воздух в зале за толстым стеклом смотровой площадки стал неестественно прозрачным, а вокруг матовой титановой тарелки «Горгоны» побежали первые, едва заметные фиолетовые искры статического напряжения. Игорь положил дрожащий палец на клавишу ввода финальной команды синхронизации, чувствуя, как глубоко под землей просыпается сила, принципы которой их великий академик понимал совершенно неверно.

— Время пошло. Запуск синхронизатора, — Лосев буквально прилип взглядом к центральному монитору.

Игорь закрыл глаза на долю секунды, выдохнул и с силой вдавил клавишу ввода.

В ту же наносекунду глубоко в гранитных недрах базы сработали твердотельные затворы. Десять малогабаритных рентгеновских лазеров по периметру «Горгоны» выдали короткий, синхронный импульс. Вспышка внутри цилиндров была невидима глазу — рентгеновское излучение шло внутри замкнутого зеркального контура, но физический удар по

пространству оказался осязаемым. За кварцевым стеклом смотрового бокса воздух в центре титановой тарелки мгновенно сгустился, превратившись в идеально круглое, дрожащее марево, напоминающее кусок прозрачного жидкого стекла.

И тут же датчики давления внутри испытательного зала выдали аномальную кривую. Вместо ожидаемого Лосевым скачка давления вверх от термического расширения воздуха, стрелки виртуальных манометров на экранах инженеров синхронно рухнули вниз, уйдя в отрицательную зону. На индикаторах высветился глубокий, мгновенный вакуум в точке фокуса.

— Что за... — тихо пробормотал старший инженер за соседним пультом. — Давление падает. Борис Владимирович, у нас провал по контуру!

— Молчать! Всё идет по расчетам! — прикрикнул Лосев, хотя его собственные брови удивленно взлетели вверх. Он лихорадочно всматривался в показатели светового давления. — Это электродинамическое вытеснение среды! Смотрите на фокус!

Но Игорь смотрел не на фокус. Его взгляд был прикован к правому нижнему углу экрана, где отображались данные с прецизионных гидравлических весов, на которых покоился многотонный стальной постамент «Горгоны». Эти весы были способны улавливать изменение массы конструкции с точностью до грамма, чтобы фиксировать усадку фундамен-

та при взрывах.

Цифры на индикаторе веса бешено замигали. Стабильный многотонный показатель внезапно дрогнул, уменьшился и замер на новой отметке.

«Внимание. Зафиксировано изменение статической массы объекта. Отклонение: -412 граммов».

У Игоря перехватило дыхание. Многотонная титановая тарелка в момент лазерного импульса на одну десятую секунды стала легче почти на полкилограмма. Без реактивной тяги, без магнитной подвески — она просто потеряла часть своего веса.

— Борис Владимирович... — Игорь приподнялся с кресла, его голос сорвался на писк. — Посмотрите на весовой датчик постамента. Потеря массы. Четыреста двенадцать граммов. Это не погрешность...

Лосев мгновенно оказался рядом. Его худая, сухая рука с силой впиалась в плечо Игоря, пальцы сжались до боли, заставив парня поморщиться. Академик диким, бешеным взглядом уставился на мигающую строчку ошибки, а затем быстро, воровато оглянулся на генерала Седова. Тот стоял чуть поодаль у кварцевого стекла, замороженно глядя на угасающее фиолетовое марево в испытательном зале, и не слышал приглушенного диалога инженеров.

— Сверни это окно, — яростно, ядовито прошептал Лосев прямо в ухо Игорю. — Сверни немедленно, идиот!

— Но Борис Владимирович, это же прямое нарушение...

изменение метрики пространства... — заикаясь, попытался возразить Игорь.

— Это наводка! — Лосев процедил слова сквозь зубы, его дыхание пахло крепким кофе и застарелым валидолом. — Сильнейшая электромагнитная наводка от ядерных лазеров на гидравлические контуры датчиков веса! Физика поля исключает изменение массы без релятивистских скоростей! Ты хочешь, чтобы военные закрыли проект из-за неисправного кабеля? Убери эту строчку из финального отчета. Сделай программную калибровку нуля. Живо!

Пальцы Лосева на плече Игоря сжались еще сильнее. Молодой инженер посмотрел в безумные, расширенные зрачки своего начальника и понял, что спорить бесполезно. Если он сейчас поднимет шум, Лосев сотрет его в порошок, объявит некомпетентным и отправит под трибунал за паникерство на стратегическом объекте. Игорь послушно опустил голову и набрал на клавиатуре команду ручного сброса логов. Строка о четырехстах граммах исчезла, словно её никогда и не было.

Лосев глубоко вздохнул, отпустил плечо парня, разгладил полы своего грязного халата и с победоносной улыбкой повернулся к генералу Седову.

— Ну что, Седов? Вы видели это? — академик раскинул руки в стороны. — Лазеры сработали идеально. Синхронизация сто процентов. Точка фокуса удержала плазменное натяжение среды. Предварительный тест завершен с полным успехом!

Генерал Седов медленно повернулся от стекла. На его суровом лице не было восторга, только холодная, расчетливая удовлетворенность.

— Хорошо, Борис Владимирович. Убедительно. — Седов поправил портупею. — Я немедленно вылетаю в Москву. Мой доклад Совбезу будет однозначным: проект «Горгона» готов к финальным испытаниям. Готовьте установку к пуску на сто процентов мощности. Дата утверждена — через четыре дня, в два часа ночи по местному времени. Дай бог, чтобы ваше абсолютное оружие сработало так же гладко, когда мы взорвем здесь полноценные ядерные контуры. Ваш лаборант с отчетами поедет со мной, — Седов кивнул в сторону Игоря.

Таймер конца света запущен.

День первый. 17:00 (Новосибирск) — На «Объекте-44» генерал Седов назначает точное время пуска: через 4 дня (в День «Ч»), ровно в 02:00 ночи по местному времени.

Седов развернулся и в сопровождении адъютантов направился к выходу из бункера.

Лосев смотрел ему вслед, его губы дрожали в беззвучной, торжествующей усмешке. Он был уверен, что обманул генерала, обманул природу и стоит на пороге личного бессмертия.

А за третьим рядом пультов молодой расчетчик Игорь сидел, тупо уставившись в пустой темный монитор. Его ру-

ки продолжали дрожать. Лосев назвал это наводкой на кабели, но Игорь сам проверял экранирование весов. Никакие магнитные поля не могли изменить показания тензодатчиков на полкилограмма. Пространство в центре тарелки действительно изменило свои свойства. Оно словно... вздохнуло, втянув в себя упругость мира. И этот взрывной вдох на полной мощности лазеров должен был произойти всего через четыре дня.

День первый. 19:00 (Новосибирск) — Седов и лаборант Игорь экстренно вылетают на правительственном Ту-214 из Толмачёво в Москву.

День первый. 19:00 (Москва) — После 4 часов полета самолет садится во Внуково-3. Из-за разницы во времени часы в пункте прилета показывают те же 19:00. Седов уезжает на доклад, а выжатый физически Игорь едет отдыхать в гостиницу.

Глава 2. Кухонная физика

Весенний дождь мелко и монотонно стучал по жестяному отливу окна, размывая огни вечерней Москвы в сплошные акварельные пятна. На Шаболовке, в тихих переулках за глухим, обнесенным колючей проволокой забором тридцать седьмого дома, где застыли огромные чаши спутниковых антенн телецентра ВГТРК и секретного узла правительственной связи, время словно замедляло свой сумасшедший бег. Здесь, среди кирпичных пятиэтажек Хавско-Шаболовского жилмассива с их причудливыми конструктивистскими углами и полутемными дворами-лабиринтами тридцатых годов, ещё сохранялся тот особый, ламповый дух старого города, который почти выветрился с парадных проспектов. Сквозь пелену сырости в окне угадывался ажурный, подсвеченный снизу силуэт Шуховской башни, вонзившейся в низкое апрельское небо, а снизу, с залитой водой мостовой, доносился знакомый с детства приглушенный перестук колес — последний трамвай, звеня на повороте у Лестева, уходил в сторону Даниловского рынка.

Алексей стоял у окна своей двухкомнатной квартиры на третьем этаже, лениво помешивая длинной ложкой остывающий кофе. Квартира пахла канифолью, старыми книгами, сухой бумагой и крепким табаком — этот коктейль стал для него привычной атмосферой за последние семь лет, с тех пор

как он окончательно ушёл из академического научно-исследовательского института, хлопнув дверью перед носом престарелого директора лаборатории.

Его мастерская, занимавшая большую из комнат, напоминала скорее берлогу безумного изобретателя викторианской эпохи, чем жильё современного человека. Все стены от пола до потолка были заставлены самодельными стеллажами из грубых сосновых досок. На них теснились сотни томов: от дореволюционных изданий по классической гидродинамике упругих сред и оригинальных трудов Джеймса Клерка Максвелла до современных монографий по квантовой хромодинамике, густо исписанных критическими заметками Алексея на полях.

В центре комнаты, на массивном дубовом столе, который Алексей собственноручно притащил с какой-то подмосковной барахолки, высилась его гордость — экспериментальный гидродинамический стенд. Это было хитросплетение прозрачных акриловых трубок, наполненных вязким силиконовым маслом с добавлением микроскопических алюминиевых опилок, высоковольтных каскадных трансформаторов, способных выдавать до ста тысяч вольт, и нескольких вращающихся неодимовых дисков, соединенных с регулируемыми электромоторами. С помощью этой кустарной установки, собранной на скромные доходы от редких заказов по ремонту сложной медицинской аппаратуры, Алексей делал то, что официальная наука считала шарлатанством — он визуализи-

зировав структуру пространства.

Алексей сделал глоток горького кофе, поморщился и подошел к стенду. Он щелкнул тумблером на самодельной панели управления. Электромоторы тихо, благородно зажужжали, раскручивая неодимовые диски до пяти тысяч оборотов в минуту. Высоковольтный трансформатор отозвался сухим, звенящим треском, и между медными электродами внутри масляной ванны вспыхнула тонкая, бледно-фиолетовая дуга электрического разряда.

Алюминиевые опилки внутри вязкого масла мгновенно среагировали на вращение полей. Они не просто выстроились вдоль силовых линий, как учили в школьных учебниках физики. Под действием высокочастотного электрического потенциала и механического вращения дисков масло внутри трубок начало закручиваться в крошечные, идеально стабильные тороидальные вихри — маленькие водяные пузырьки, которые непрерывно выворачивались наизнанку, засасывая окружающую жидкость со стороны одного полюса и выбрасывая её с другого.

— Ну же, смотрите, господа академики, — негромко произнес Алексей, всматриваясь в узор вихрей через сильную лупу. — Вот ваш электрон. Никакой это не точечный заряд с бесконечной энергией, запертый в абстрактные вероятностные облака Шрёдингера. Обычный механический вихревой пузырек в сверхплотной упругой среде. Насос. Он просто качает эфир. И пока он его качает, он стабилен и обладает тем,

что вы называете электрическим зарядом.

Он выключил установку. Фиолетовая дуга с сухим хлопком погасла, моторы начали плавно замедлять ход, и алюминиевые опилки хаотично рассеялись в масле, уничтожив хрупкую геометрию искусственного микромира.

День второй. 14:00 (Москва) — Игорь понимает весь масштаб катастрофы и тайно приходит домой к своему другу физику-любителю Алексею. Если «Горгону» запустят через 2,5 дня — Земле конец.

В этот момент в прихожей раздался резкий, надрывный звонок в дверь. Алексей вздрогнул. Часы на стене показывали обеденное время. Он никого не ждал. Единственные три человека, которые знали его адрес, были такими же фанатиками-инженерами, но они никогда не приходили без предварительного звонка на домашний телефон.

Звонок повторился — на этот раз длинно, непрерывно, словно тот, кто стоял по ту сторону двери, судорожно вцепился пальцем в кнопку и не собирался его отпустить.

Алексей нахмурился, положил лупу на стол и быстрым шагом вышел в прихожую. Он аккуратно прильнул к стеклу дверного глазка. В тусклом, желтом свете подъездной лампы стоял мужчина в мокром, помятом плаще. Его капюшон был сброшен, взъерошенные седые волосы прилипли ко лбу, а лицо было бледным, почти прозрачным.

— Игорь? Давно прилетел? — Алексей удивленно моргнул, мгновенно узнав своего старого университетского дру-

га, с которым они когда-то делили одну комнату в общежитии Физтеха, пока их пути не разошлись. Игорь ушёл в закрытую государственную науку, затерявшись в недрах оборонных КБ, а Алексей остался вольным слушателем вселенной.

Алексей поспешно щелкнул тремя замками и распахнул тяжелую железную дверь.

Игорь буквально ввалился в прихожую, едва не сбив Алексея с ног. От него разило сыростью ночной улицы, застарелым потом и резким, тяжелым запахом дорогого коньяка. Его руки мелко дрожали, а в глазах — огромных, расширенных зрачках — плескался дикий, неконтролируемый, первобытный ужас. Он обернулся и сам, судорожными движениями запер дверь на все задвижки, тяжело прислонившись спиной к косяку.

— Закрой... закрой всё, Лешка, — хрипло, задыхаясь, выдохнул Игорь, срывая с себя мокрый плащ, который с тяжелым шлепком упал на линолеум. — У тебя телефон... телефон стационарный работает? Отключи его из розетки. Живо. И мобильный... вытащи батарею. Нет, лучше брось его в микроволновку, она работает как экран. Быстрее, Леша, у нас нет времени!

Алексей молча выполнил безумные требования друга. Он прошёл в комнату, выдернул шнур стационарного телефона из настенной розетки, затем достал свой старенький кнопочный аппарат, снял заднюю крышку, вылушил литий-ион-

ную батарею и вместе с рюкзаком Игоря, где лежал его ведомственный смартфон, запер всё это в выключенной микроволновке. Стальная сетка на дверце бытового прибора была плохой, но всё же преградой для радиоволн.

Когда он вернулся на кухню, Игорь уже сидел на табурете у окна, сгорбившись и обхватив голову руками. Его плечи мелко вздрагивали. Посреди стола высилась принесенная им бутылка пятизвездочного коньяка, наполовину опустошенная. Игорь пил прямо из горлышка, шумно сглатывая и морщась, словно глотал жидкий огонь.

— Они не понимают, Лешка... Они вообще не понимают, с чем играют, — Игорь поднял покрасневшие, налитые кровью глаза. В тусклом свете кухонной люстры его лицо казалось маской из серого гипса. — Лосев заперся в своей математике. Для него пространство — это пустая координатная сетка Минковского, абстрактный континуум, в который можно вкачать сколько угодно джоулей энергии, и ничего не изменится. Его формулы сходятся, понимаешь? Сходятся на бумаге! Потому что он сам их подгоняет под гранты Министерства обороны и Совбеза. Генералы смотрят на него как на мессию. «Чистый взрыв, радиус сто километров, абсолютное позиционное доминирование». Они уже дырки на кителях под новые ордена крутят!

Алексей плеснул себе в чашку остывший черный кофе, сел напротив и внимательно посмотрел на друга. За годы разлуки Игорь сильно изменился: исчезла прежняя студенче-

ская легкость, лицо осунулось, в волосах проступила ранняя седина, а под глазами залегли глубокие тени — клеймо всех, кто продал свой разум закрытым оборонным КБ за спецпайки и квартиры в закрытых городах.

— Успокойся и начни сначала, — тихо, но веско сказал Алексей, пододвигая к себе чашку. — Ты подписал бумаги «Особой важности», Игорь, — это форма один, высший допуск. Если твои кураторы из военной контрразведки (ДВКР ФСБ) запеленгуют этот разговор или поймут, что ты сорвался с маршрута командировки, мы оба завтра проснемся в разных камерах Лефортова. Что произошло на «Объекте-44» во время предварительного пуска? Ты ведь прилетел оттуда?

Игорь судорожно сглотнул, его кадык дернулся. Он потянулся к бутылке, но Алексей мягко, но твердо перехватил его руку, убирая алкоголь на край подоконника. Игорь обмяк, наклонился ближе к Алексею через стол, почти переходя на шепот, от которого по коже побежали мурашки.

— Мы запускали установку «Горгона» на один процент мощности. Только предпусковая накачка и сведение лазерных затворов в фокальной точке. Лосев ждал локальной тепловой микровспышки. По его квантовой теории, лазеры с ядерной накачкой должны были просто разогреть воздух в центре тарелки до состояния высокотемпературной плазмы. Чистый термодинамический эффект, понимаешь? Но когда лучи пересеклись... датчики давления внутри испытатель-

ного зала сошли с ума. Вместо ожидаемого скачка давления вверх от расширения плазмы, приборы зафиксировали мгновенный, аномальный провал. Вакуум. Абсолютный ноль среды в точке фокуса. Воздух не расширился, его словно... вычеркнули из метрики. А потом произошла самая страшная чертовщина, Леша. Вес.

Игорь замолчал, его взгляд остекленел, словно он снова видел происходящее через трехслойное кварцевое стекло смотрового бункера на глубине ста двадцати метров.

— Что с весом? — резко спросил Алексей, подавшись вперед.

— Вес самой десятиметровой титановой тарелки «Горгоны» в момент импульса снизился на четыреста двенадцать граммов, — выдохнул Игорь, и его зубы мелко застучали о край кухонной кружки. — На одну десятую секунды прецизионные гидравлические весы постамента зафиксировали потерю массы. Почти полкилограмма, Леша! Лосев взбесился. Он объявил это системной ошибкой, наводкой колоссального магнитного поля ядерных лазеров на кабели тензодатчиков. Он заставил меня лично залезть в логи главного компьютера, стереть эту строчку и переписать финальный отчет для генерала Седова. Я сделал это, Леша... Я убрал эти четыреста граммов, чтобы не портить красивую квантовую концепцию шефа перед Министерством обороны. Но я сам, своими руками проверял тройное экранирование кабелей перед тестом! Никакой наводки там не было. Датчики не ввали.

Пространство в центре тарелки в момент удара буквально... втянуло в себя гравитацию. И самое страшное — испытания на полную, стопроцентную мощность назначены через две недели. На том же полигоне в Сибири. Они хотят взорвать полноценные ядерные контуры накачки лазеров.

Алексей медленно поднялся со своего стула. Капли остывшего кофе в его чашке едва заметно дрожали — глубоко под землей, под фундаментами Шаболовки, проезжал ночной рабочий поезд метро, посылая микроскопические вибрации сквозь слои московского грунта. Но сейчас Алексею казалось, что дрожит сама ось планеты.

— Десять лазеров, — тихо произнес Алексей, глядя в темное окно, за которым размытыми каплями дождя светилась Шуховская башня. — Расположенные по идеальному кругу, под строгими углами к центру. Игорь, вспомни точную геометрию сведения лучей, которую ты закладывал в расчетный модуль. Они бьют строго в геометрический центр сферы или есть смещение?

Игорь удивленно моргнул, приподнимая голову:— Откуда ты... Да, со смещением. Лосев закрутил векторы светового давления по спирали, под углом в тридцать две угловые минуты. Он называл это «упругой электродинамической ловушкой», чтобы удерживать плазменный сгусток в точке фокуса и не давать ему рассеиваться. Нам нужна была закрученная, стабильная плазма.

Алексей резко повернулся к другу. Его лицо, обычно спо-

койное и отрешенное, сейчас стало бледным, а глаза сузились, превратившись в две холодные точки.

— Идиот. Какой же Лосев высокомерный математический идиот... — Алексей бросился из кухни в гостиную-мастерскую, на ходу выдергивая из кармана старую шариковую ручку. — Идем сюда, Игорь. Живо! Вставай!

Игорь, покачиваясь и цепляясь за косяки дверей, поплелся вслед за хозяином квартиры. Алексей уже стоял у своего массивного дубового стола, безжалостно смахнув на пол коробки с транзисторами, остывший паяльник и мотки изоляенты. Из-под кипы старых немецких журналов по аэродинамике он с размаху выдернул большой чистый лист ватмана, прижав его обгоревшими по краям медными брусками-грузиками к дереву.

— Садись и смотри, — приказал Алексей, ткнув пальцем в свободный край стола. Ручка в его пальцах яростно заскрежетала по упругой бумаге, оставляя жирные, глубокие черные линии. — Забудь про свои струны, Игорь. Забудь про искривление пространства Эйнштейна и виртуальные частицы. Это всё математические подпорки, которыми физики закрыли глаза, когда у них заглохла реальная механика.

Игорь тупо уставился на чистый лист, на котором под быстрыми ударами ручки Алексея начал рождаться странный, объемный рисунок.

— Представь, что космос — это не пустота, — Алексей заговорил быстро, его голос вибрировал от сдерживаемой

энергии. — Представь, что вселенная до самого края заполнена упругой, сверхплотной, несжимаемой жидкой средой. Эфиром. Его частицы — амеры — настолько малы, что пролетают сквозь кристаллическую решетку этого стола, твоего тела или ртутного столба, как футбольный мяч сквозь редкую рыбацкую сеть. Именно поэтому мы не чувствуем его колоссальной плотности в повседневной жизни. Он течет сквозь нас без трения, пока находится в покое.

Алексей быстро нарисовал идеальный тор — фигуру, похожую на бублик, и покрыл её густой сетью закрученных стрелок.

— А теперь смотри сюда. Что такое элементарная частица? Что такое электрон, который вы в своих оборонных институтах считаете «точечным зарядом с бесконечной массой»? Это бред, порождающий математические тупики! Электрон — это микроскопический тороидальный вихрь внутри этого самого эфира. Он бешено вращается по диаметру кольца и одновременно непрерывно выворачивается наизнанку. Это механический насос, Игорь! За счет своего выворачивания он засасывает окружающий плотный эфир с одной стороны, прогоняет сквозь свое русло и выбрасывает с другой.

Ручка Алексея с силой прочертила сквозь центр бублика сквозную стрелку потока.

— Этот втянутый поток эфира идет транзитом прямо в атомное ядро. Само ядро — это не куча шариков, скле-

енных придуманным «сильным взаимодействием». Ядро — это жесткий, вращающийся полосатый стержень, где протоны работают как магниты, а нейтроны — как немагнитные буферные прокладки. Вокруг этого стержня образуются стоячие волны среды, зоны экстремального разрежения. Именно в этих ловушках и застревают электроны-бублики. Они неподвижны, Игорь! Они не летают по орбитам, как планеты. Они сидят на своих энергетических уровнях стационарно. Атом — это единый замкнутый организм: электроны-насосы сосут эфир из космоса снаружи, подпитывая центральные вихри ядра, а ядро удерживает их своим полем разрежения. Если убрать электроны или перекрыть поток — ядро мгновенно распадется, потому что внутренние вихри протонов лишатся подпитки и схлопнутся под чудовищным внешним давлением вселенной.

Игорь слушал, открыв рот. Алкогольный туман в его голове стремительно рассеивался, уступая место холодному, системному мышлению инженера. Логика Алексея, основанная на чистой механике жидкостей и газов, обладала странной, почти гипнотической убедительностью. Она убирала все парадоксы квантового дуализма, заменяя их понятными законами давления и вращения сред.

— Хорошо... — сирым голосом произнес Игорь, вытирая рукавом холодный пот со лба. — Допустим. Но при чем здесь наша «Горгона»? И при чем здесь потеря веса на четыреста граммов?

— А при том, что Лосев случайно построил макроскопический аналог этой системы, сам того не понимая! — Алексей с силой постучал острием ручки по ватману, оставив жирную черную точку. — Что происходит в электрическом проводе, когда вы подаете напряжение? Под действием электрического поля миллионы электронов-бубликов ориентируются в одном направлении, их оси выстраиваются в затылок друг другу. Получается колоссальное количество микро-насосов, которые начинают качать эфир в одну сторону вдоль провода. Это направленное движение среды мы и называем магнитным полем. Мы видим его косвенно, когда оно разворачивает железные опилки, как флюгеры по течению эфирной реки.

Алексей перевернул лист ватмана и на чистой стороне нарисовал десять цилиндров «Горгоны», соединенных конусом.

— Лосев взял десять мощнейших лазеров ядерной накачки. Лазерный луч по своей сути — это не просто поток абстрактных фотонов, это направленный, высокочастотный упругий удар по эфирной среде. Как поршень в гидравлической трубе. И Лосев свел эти десять поршней в одну точку под углом по касательной! На одном проценте мощности ваши лазеры сработали как механический ротор. Они лишь слегка крутанули эфир в точке фокуса. Центробежная сила вращения оттолкнула упругую среду от центра наружу. Там возникла область микроскопического разрежения эфира —

локальный вакуумный пузырь.

Алексей нарисовал вертикальную стрелку, падающую сверху на диск тарелки, и показал, как она огибает центральную точку.

— Что такое гравитация Земли в моей модели? Наша планета — это миллиарды миллиардов атомов. Все их ядра непрерывно сосут эфир из космоса, создавая глобальный, мощный поток среды сверху вниз, к центру Земли. Этот поток течет сквозь наши тела, цепляет наши внутренние атомные вихри и увлекает нас за собой, прижимая к полу. Мы называем это весом. Но когда Лосев на одну десятую секунды крутанул эфирный смерч в центре «Горгоны», падающий сверху земной поток гравитации наткнулся на этот вихрь, споткнулся об него и чисто механически обошел тарелку по бокам, как вода обтекает камень! Давление эфира сверху на мгновение упало — вот откуда твоя потеря веса в четыреста двенадцать граммов! Ваш Лосев создал первый в мире работающий, механический антигравитационный обтекатель!

Игорь резко подался вперед, его глаза расширились от внезапного озарения.

— Но если это антигравитация... Леша, это же величайший триумф в истории человечества! Это же полет к звездам, это безопорное движение! Почему ты так напуган? Почему ты назвал его идиотом?

Алексей опустил ручку. Его лицо осунулось, став похожим на суровую маску.

— Потому что Лосев не знает законов кавитации сред, Игорь. Он думает, что вакуум пуст, и туда можно вкачивать энергию бесконечно. Если вы запустите «Горгону» на сто процентов мощности, десять полноценных атомных взрывов внутри лазерных цилиндров ударят по эфиру с силой, способной закрутить этот смерч со скоростью, превышающей кавитационный порог среды. Скорость вращения стены вихря превысит скорость света. Центробежная сила вышвырнет из центра сферы абсолютно весь эфир наружу. Внутри образуется область стопроцентного эфирного голода. Идеальный пустой шар. Чёрная дыра.

Алексей обвел центральную точку на ватмане жирным черным кругом, с силой прорвав плотную бумагу острием ручки.

— Давление вселенского эфира снаружи — чудовищно. Плотный эфирный океан мгновенно попытается сжать и раздавить этот пустой пузырь. Но вещество самой тарелки, воздух полигона, гранитные скалы бункера, попав в эту зону абсолютной пустоты, мгновенно лишатся эфирного дыхания. Их электроны перестанут качать среду, внутренние вихри ядер протонов сорвутся со своих замков, и начнется тотальный, лавинообразный распад материи. Атомы начнут взрываться наружу один за другим. Энергия этих миллиардов микровзрывов создаст мощнейшее радиационное встречное давление, которое не даст эфирному океану схлопнуть пустой шар. Пузырь стабилизируется, Игорь! Он превратит-

ся в самоподдерживающийся термодинамический утилизатор. Он начнет жрать Сибирь, расширяясь каждую секунду за счет энергии распадающегося вещества. За один час этот пустой шар сожрет континент. За сутки — всю планету. Лосев строит не оружие против американцев. Он зажигает фитиль пространственной кавитации, который растворит всю Солнечную систему в абсолютное ничто. И вы собираетесь нажать на этот фитиль через два с половиной дня?

День второй. 15:30 (Москва) — Игорь уходит от Алексея. Прямо у метро «Шаболовская» его жестко, без шума принимают оперативники ДВКР.

В тишине мастерской было слышно, как за окном монотонно хлопает по стеклу весенний дождь. Игорь смотрел на разорванный, исчерканный лист ватмана, и вся его привычная, выстроенная в военной академии картина мира с грохотом рушилась, погребая под своими обломками остатки страха перед трибуналом, ФСБ и потерей званий. Оставался только один чистый, звенящий, первобытный ужас перед бездной абсолютной пустоты, которую они своими руками собирались выкопать посреди сибирской тайги.

Глава 3. Новинский бульвар

Время для Алексея потеряло свою привычную текучесть, превратившись в рваный, изматывающий ритм затянувшейся бессонницы. Его общая тетрадь в серой коленкоровой обложке, изначально заполненная аккуратными инженерными набросками, теперь была исписана убористым, лихорадочным почерком до самого края полей. Он не ложился спать третью ночь подряд. Глаза жгло от сухости, под веками словно насыпали мелкого песка, а на языке застыл стойкий, металлический привкус пережженного черного кофе.

Перед ним на массивном дубовом столе, поверх залитого канифолью гидродинамического стенда, лежали разложенные схемы «Горгоны». Те самые, которые Игорь судорожно, ломая грифели карандашей, чертил по памяти на кухонном ватмане в ту роковую ночь. Алексей вывел поверх них свои гидродинамические уравнения упругой среды, разметив векторы светового давления красными и синими чернилами. Математика Лосева была красивой, изошренной, но абсолютно мертвой. Она напоминала чертеж идеального паровоза, авторы которого забыли о существовании трения и упругости пара. Всё сходилось с пугающей, леденящей кровью точностью: десятиметровая титановая тарелка на «Объекте-44» была безупречным детонатором для пространственного взрыва.

Мобильный телефон Игоря замолчал. Алексей трижды выходил из дома, доходил до перекрестка с улицей Академика Петровского и звонил другу из уличных автоматов-таксофонов, не рискуя пользоваться собственной трубкой. Он бросал холодные металлические монеты в прорезь аппарата, слушал длинные, пустые гудки, которые затем сменялись равнодушным голосом автоответчика: *«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети»*.

День второй. 19:00 (Москва) — Алексей не может дозвониться до Игоря. Выйдя в магазин на Шаболовке, он замечает за собой слежку. Он понимает: за ним придут ночью. Единственный шанс — бежать в посольство США на Новинском бульваре.

Алексей слишком хорошо знал, что означает эта казенная формулировка на языке людей в погонах. Игоря взяли. Взяли технично, без шума и свидетелей. Военная контрразведка умела работать чисто. В их ведомстве паника рассчитывалась однозначно: саботаж, измена Родине или шпионаж. Игорь не хотел его сдавать, Алексей знал это. Но он также знал, что под действием современных психотропных препаратов из арсенала спецлабораторий или после двенадцати часов непрерывного перекрестного допроса в глухом кабинете Лефортово любой, даже самый стойкий человек, ломается и выдает всё — имена, адреса, явки. Они уже знают, что чертежи у него. Они знают, что физик-любитель с

Шаболовки в курсе структуры проекта «Горгона».

В восемь вечера Алексей в очередной раз подошел к окну своей гостиной. Он не включал свет, в комнате царил серый полумрак. Изнутри, через узкую полусантиметровую щель между старыми пластиковыми жалюзи, он аккуратно посмотрел во двор-колодец.

Ничего подозрительного на первый взгляд не происходило. Пожилая женщина в синем пальто медленно вела на поводке старого спаниеля, у запертых ворот детского сада дворник-мигрант лениво мел пожухлую прошлогоднюю траву. Но на противоположной стороне узкого переулка, прямо под аркой кирпичного дома тридцатых годов, стоял невзрачный серый минивэн «Лада Ларгус». На его крыше не было багажника, на кузове — никаких опознавательных знаков коммерческих служб, а задние и боковые стекла были затянуты наглухо черной, зеркальной тонирующей пленкой.

Двигатель машины работал беззвучно — лишь из выхлопной трубы тонкими, едва заметными толчками шел прозрачный сизый дым. Двое мужчин в одинаковых темно-синих куртках спортивного кроя сидели на передних сиденьях. Они вели себя профессионально: не крутили головами, не смотрели на окна Алексея открыто. Один лениво потягивал кофе из бумажного стакана, листая что-то в планшете. Второй периодически, с интервалом ровно в две минуты, бросал короткий, цепкий взгляд в зеркало заднего вида, контролируя арку двора.

«Они уже здесь, — холодно подумал Алексей, и эта мысль отозвалась странным, почти физическим спокойствием где-то под сердцем. Паники не было. Страх уступил место расчету. — Ларгус с усиленными антеннами радиосвязи на крыше. Глушилки или пеленгаторы. Они не штурмуют квартиру только потому, что ждут санкции прокурора или приказа сверху — брать меня прямо здесь, в жилом доме, или дождаться, пока я выйду на улицу, чтобы упаковать без лишнего шума и свидетелей».

Алексей медленно отошел от окна. Разговаривать с официальными инстанциями внутри страны было не просто бесполезно — это было самоубийством. Система была монолитной. Если он придет со своей тетрадкой про «эфирные бублики» в Академию наук, его сочтут сумасшедшим графоманом и вызовут санитаров. Если он пойдет в МЧС или прокуратуру, дежурный офицер, едва услышав кодовое название «Объект-44», нажмет на тревожную кнопку под столом, и через пять минут Алексея передадут в руки тех самых ребят из серого минивэна. Машина государства не умеет сомневаться в приказах, особенно когда речь идет об оружии возмездия, на которое потрачены миллиарды. Она просто раздавит любого, кто встанет на пути.

Оставался один, безумный, шпионский и смертельно опасный путь. Международный резонанс. Нужно было передать данные тем, у кого есть реальная военная сила, спутниковые группировки и технические ресурсы, чтобы остано-

вить Лосева силой, если дипломатические каналы откажут.

Алексей подошел к столу, взял заветную серую тетрадь и засунул её глубоко во внутренний карман старой кожаной куртки, застегнув молнию до самого подбородка. Тетрадь плотно прилегла к ребрам, словно бронепластина. Из ящика стола он вытащил тяжелый походный рюкзак, куда наспех, не глядя, бросил внутренний паспорт, загранпаспорт, смену белья, портативный жесткий диск со скопированными логами гидродинамического стенда и несколько пачек наличных денег — все свои скромные сбережения.

Он посмотрел на микроволновку, где всё еще лежала батарея его мобильного телефона. Телефон был мертв, но брать его с собой было нельзя — современные комплексы контроля способны активировать микрофон аппарата удаленно, даже если он выключен. Алексей оставил его на кухне. Он готов был покинуть эту квартиру навсегда.

Алексей повернулся к входной двери, но даже не прикоснулся к замкам. Выходить через парадный подъезд, прямо под прицел скрытых камер серого «Ларгуса», было бы глупостью. Вместо этого он прошёл в дальний угол коридора, где за старым платяным шкафом скрывалась узкая, закрашенная несколькими слоями серой масляной краски деревянная дверь.

Этот дом девятнадцатого века когда-то принадлежал зажиточному купцу, и в его архитектуре сохранились скрытые ходы для прислуги. Алексей потратил два дня в первый год

после переезда, чтобы очистить этот замок от вековой грязи и ржавчины. Он аккуратно отодвинул шкаф — тяжелое дерево беззвучно скользнуло по фторопластовым подкладкам, которые он предусмотрительно закрепил на ножках.

За дверь открылась крутая, узкая каменная лестница, уходящая в непроглядную темноту подвальных помещений. Вниз пахло сыростью, мокрой глиной, крысиным пометом и вековой пылью. Алексей достал из кармана маленький светодиодный фонарик, зажал его зубами, чтобы освободить руки, и осторожно шагнул на первую ступень, прикрыв за собой деревянную створку. Шкаф в квартире послушно вернулся на место под действием противовеса, который Алексей соорудил из старого троса и чугунной гири. Для любого, кто ворвется в его квартиру, комната будет казаться пустой, а сам хозяин — испарившимся сквозь стены.

Спускаясь всё ниже, Алексей ловил ухом каждый звук. Шаги по каменным ступеням отзывались сухим эхом. Через пять минут он оказался в главном теплоузле микрорайона — огромном лабиринте из бетонных стен, опутанных трубами отопления в толстой обмотке из стекловаты. Здесь было жарко, душно, в темноте мерно и зловеще свистел вырывающийся из свищей пар. Алексей шел по памяти. Год назад он раздобыл в архивах Мосводоканала старые чертежи подземных коллекторов Шаболовки. Эти сталинские подземные артерии связывали между собой подвалы жилых домов, кабельные трассы телецентра и уходили далеко в сторону Са-

дового кольца.

Он скользил вдоль толстых магистральных труб, пригибая голову под низкими бетонными балками перекрытий. Пару раз в темноте перед лучом его фонаря мелькали жирные серые тени крыс, но Алексей не обращал на них внимания. Мысли были заняты картой города на поверхности. Если серый «Ларгус» контролировал только его двор, у него было около двадцати минут форы, пока оперативники не решатся на штурм запертой квартиры. Если же контрразведка перекрыла весь квартал, его могут взять на выходе из любого кабельного люка.

Через пятнадцать минут изнурительного марша по колену в теплой, грязной технической воде Алексей уперся в ржавую вертикальную железную лестницу, уходящую вверх к круглому чугунному люку. Сверху сквозь щели крышки доносился отчетливый, тяжелый гул автомобильных двигателей и шуршание шин по мокрому асфальту. Это было Садовое кольцо. Алексеев поднялся по скобам, затаил дыхание и осторожно приподнял спиной тяжелый чугунный брусок люка всего на пару сантиметров.

В глаза ударил резкий дневной свет. Люк выходил на газон разделительной полосы неподалеку от Смоленской площади. Вокруг сплошным потоком неслись машины, обдавая Алексея грязными брызгами. Убедившись, что поблизости нет прохожих и патрульных машин полиции, он резко откинул крышку, выкатился на мокрую траву и точным движе-

нием ноги задвинул люк обратно. Через секунду он уже смешался с безликой толпой пешеходов, идущих в сторону станции метро «Баррикадная».

Он выглядел как обычный москвич в старой куртке и с рюкзаком на плече — разве что подошвы его ботинок были испачканы подвальной глиной, а в глазах горел лихорадочный блеск человека, который только что перешагнул черту, из-за которой нет возврата. Алексеев ускорил шаг. До Новинского бульвара, где за высоким бетонным забором высилось монументальное здание посольства США, оставалось всего несколько сотен метров. Там, на клочке иностранной земли, был его единственный шанс заставить мир выслушать правду о «Горгоне» до того, как сибирский смерч Лосева со- трет эту планету из пространства.

Вечерняя Москва бурлила своей обычной, равнодушной к чужим бедам жизнью. Шуршали по мокрому асфальту шины дорогих иномарк, мимо витрин модных бутиков спешили прохожие под разноцветными зонтами. Алексей шел по нечетной стороне Новинского бульвара, стараясь держать средний темп толпы — не слишком быстро, чтобы не привлекать внимания, но и не замедляясь. Рюкзак привычно давил на плечи, а серая тетрадь под курткой казалась раскаленной металлической пластиной, прожигающей ребра.

До массивных воронкообразных ворот американского посольства оставалось чуть больше двухсот метров, когда упругий воздух улицы словно сгустился. Алексей почувствовал

это шестым чувством инженера, привыкшего фиксировать малейшие изменения полей.

На противоположной стороне бульвара, прямо у входа в торговый центр, со скрежетом тормозов припарковалась черная «Тойота Камри» с глухой тонировкой. Почти одновременно из бокового переулка медленно выкатился уже знакомый серый «Лада Ларгус». Кольцо сжималось. Из «Камри» быстро вышли двое мужчин в гражданских куртках. Но Алексея заставила похолодеть третья фигура, поднявшаяся с переднего сиденья.

Это была молодая женщина в строгом темном пальто английского кроя. Её подтянутая фигура, гладко зачесанные назад темно-каштановые волосы и абсолютно спокойное, бледное лицо с тонкими чертами выделяли её из толпы оперативников. Капитан контрразведки ФСБ Елена Корсакова лично возглавляла группу захвата. В её руке был зажат компактный цифровой пеленгатор, который прямо сейчас фиксировал остаточный радиосигнал — жесткий диск в рюкзаке Алексея все-таки выдал микроскопическую наводку, когда машина радиоэлектронной борьбы с «Ларгуса» дала сканирующий импульс по частотам.

Елена подняла глаза и посмотрела прямо через четырехполосный поток машин Садового кольца. Её холодный, цепкий взгляд аналитика мгновенно выхватил из сотен пешеходов фигуру Алексея. В её глазах не было злости — только леденящая исполнительность человека, защищающего госу-

дарственные секреты. Она прижала ладонь к уху, отдавая короткий приказ по рации, и быстрым, решительным шагом направилась к пешеходному переходу.

— Гражданин Алексеев! Стоять! — негромко, но с железной силой в голосе крикнул один из оперативников, бросаясь наперерез через бульвар. Из-под его расстегнутой куртки на мгновение показалась вороненая сталь пистолета «Ярыгина».

Алексей не стал отвечать. Все законы вежливости и страха перед законом испарились из его головы. Он резко рванул вперед, сбивая плечом удивленного мужчину с пакетом из супермаркета. Овощи и пластиковые бутылки со стуком покатались по мокрому бетону.

— Стой! Стрелять буду! — рявкнул преследователь за спиной. Но открывать огонь на поражение в центре Москвы, в пятидесяти метрах от иностранной дипломатической миссии, без прямого приказа Корсаковой он не решался. Это был бы мгновенный международный скандал.

Алексей летел вперед, видя перед собой только стеклянный куб пропускного пункта американского посольства и тяжелую стальную вертушку шлюзовой двери. Ноги скользили по сырой плитке тротуара. Два российских сотрудника полиции из специального полка по охране диппредставительств, стоявшие на внешнем периметре у забора, мгновенно среагировали на шум и крики. Они шагнули навстречу бегущему, вытягивая руки, чтобы перехватить его в живые тиски.

Алексей проявил ту самую механическую изворотливость, которую изучал на гидродинамическом стенде. Вместо того чтобы тормозить, он заложил крутой вираж по касательной, буквально проскочив под вытянутой рукой старшины полиции, и с размаху, всем телом ударил в массивную стеклянную дверь американского шлюза посетителей.

Он влетел внутрь приемного покоя, тяжело и хрипло дыша, едва удерживаясь на ногах. В ту же секунду за его спиной с глухим, тяжелым стуком сработали мощные электромагнитные замки. Толстая стальная вертушка двери заблокировалась.

С той стороны бронированного стекла, тяжело дыша, остановились оперативники ФСБ. Через секунду к стеклу вплотную подошла Елена Корсакова. Её пальцы в кожаной перчатке коснулись прозрачной поверхности. Она смотрела на Алексея сквозь эту непреодолимую юридическую преграду — ведь внутреннее пространство шлюза уже официально являлось суверенной территорией Соединенных Штатов. В её глазах читалось жесткое, аналитическое разочарование. Она поняла, что упустила носителя информации, и теперь ход переходит к Лэнгли.

Внутри приемного покоя зажглись яркие люминесцентные лампы. Из боковых дверей мгновенно вышли двое массивных американских морских пехотинцев в парадной синей форме. Их руки жестко лежали на кобурах с автоматическими пистолетами *SIG Sauer*.

— *Stop! Hands где я могу их видеть!* — выкрикнул старший сержант на ломаном русском, направляя на Алексея суровый взгляд через смотровое окно детектора лжи и металлоискателя.

Алексей медленно, чувствуя чудовищную свинцовую тяжесть в плечах, поднял руки над головой. Его сердце бешено, сбоями колотилось в грудную клетку. Двумя пальцами он аккуратно залез во внутренний карман куртки, достал потрепанную общую тетрадь в серой коленкоровой обложке и с размаху прижал её к бронированному стеклу американского приемного окна.

На обложке, прямо поверх потекших от сырости чернил, была размашисто нарисована тороидальная схема выворачивающегося электрона-насоса и крупная, жирная надпись на английском: «**PROJECT GORGONA. ABSOLUTE VACUUM COLLAPSE**».

— Мне нужен офицер безопасности. Резидент ЦРУ. Срочно, — выдохнул Алексей в перфорированную решетку переговорного устройства. — Передайте вашим аналитикам в Лэнгли, что через две недели этой планеты физически не будет в пространстве. И русские генералы на «Объекте-44» уже запустили обратный отсчет.

Морские пехотинцы переглянулись. Тот, что был старше, быстро нажал черную кнопку на внутреннем селекторе связи и произнес несколько коротких, отрывистых фраз на английском. Шестеренки американской шпионской машины закру-

тились с бешеной, неостановимой скоростью.

День второй. 21:00 (Москва) — Алексей прорывает-ся на территорию посольства США. ДВКР не успева-ет его перехватить. Начинается экстренная эвакуация ценного носителя информации по дипломатическим каналам.

Глава 4. Протокол эвакуации

Внутренний бункер резидентуры ЦРУ под американским посольством на Новинском бульваре не имел ничего общего с просторными, залитыми неоновым светом залами из голливудских фильмов. Это было тесное, душное, лишенное окон помещение на четвертом подземном уровне, зашитое в три слоя массивных листов очищенного свинца и электро-технической меди. Профессионалы называли такие комнаты «герметичной клеткой Фарадея». Сюда не мог пробиться ни один радиосигнал снаружи, ни одна волна сотовых вышек, ни импульсы лазерных микрофонов, способных считать вибрации стекол. Здесь пространство было искусственно изолировано, превращено в информационный вакуум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.